

Николай Помяловский

Вукол

Николай Помяловский

Вукол

«Public Domain»

1859

Помяловский Н. Г.

Вукол / Н. Г. Помяловский — «Public Domain», 1859

«У Тарантова родился сын. Дали ему имя Вукол. Вукол не обещал ничего красивого в своей особе: голова у него была большая, нос плоский, уши маленькие, туловище несоразмерно велико, а ножки коротенькие. Но при всем том он был ребенок здоровый. Что еще сказать о человеке, когда он только что явился на свет? Некрасив и здоров – вот и все... Будет ли он умен, добр, счастлив? – бог знает!.. Станут бить его по голове, – вырастет дураком, хотя б и не родился им; будет воспитывать танцмейстер, – выйдет из него кукла; откормят на краденые деньги, – отзовется и это. Трудно показать и объяснить влияние внешних обстоятельств на голову и сердце человека. Может быть, человек глупеет и черствеет еще в колыбели...»

Николай Герасимович Помяловский

Вукол

Психологический очерк

У Тарантова родился сын. Дали ему имя Вукол. Вукол не обещал ничего красивого в своей особе: голова у него была большая, нос плоский, уши маленькие, туловище несоразмерно велико, а ножки коротенькие. Но при всем том он был ребенок здоровый. Что еще сказать о человеке, когда он только что явился на свет? Некрасив и здоров – вот и все... Будет ли он умен, добр, счастлив? – бог знает!.. Станут бить его по голове, – вырастет дураком, хотя б и не родился им; будет воспитывать танцмейстер, – выйдет из него кукла; откормят на краденые деньги, – отзовется и это. Трудно показать и объяснить влияние внешних обстоятельств на голову и сердце человека. Может быть, человек глупеет и черствеет еще в колыбели. Бог знает, какое влияние имеет на ребенка глупая рожа няни, физиономия папаши часто с отсутствием образа божия, грязная соска, табачный запах, визг и слезы братцев и сестриц и тому подобные буколические обстоятельства, на которые чадолюбивые и сердобольные родители, домовладыки и цари семейств часто не обращают никакого внимания. Все это, без сомнения, уродует человека. Но несомненно и то, что иногда при неблагоприятных обстоятельствах человек развивается счастливо. Часто и семья, и товарищество, и обстановка, и все случаи жизни, и даже прирожденные наклонности, наследственная порча – все направляет человека ко злу; но какая-то спасительная сила противодействует всему, и образуется человек умный и счастливый. Все это идет к тому, что о ребенке ничего нельзя сказать наперед, что из него выйдет. Итак, Вукол некрасив и здоров – вот и все пока о нем. Впрочем, при рождении ребенка обращают внимание на разные приметы и предзнаменования. Вукол родился в сорочке, с длинным пупком, день рождения был скромный и число дня четное – все это, по мнению повивальной бабки Анны Ивановны Штотиной, предвещало ребенку счастливую будущность. Но дядюшка Вукола Семен Иванович думал иначе. «Ну что ты, братец, за кличку дал своему чаду, говорил он отцу Вукола Антипу Ивановичу: – да ты вникни в это слово!.. Вукол!.. вслушайся в это слово хорошенько... Вукол!.. в угол!.. кол!.. ха-ха-ха! Ведь это, братец ты мой, престранное слово. А ну-ко, покажи его. По шерсти, по шерсти, брат, кличка. Именно Вукол... Не хорошо, нет, не похвально, что обзавелся таким сокровищем». Семен Иванович продолжал до тех пор свою бесцеремонную речь, пока не был приглашен замолчать. Но вот нелюбезный дядюшка уехал, и Вукол стал безобидно вырастать среди мирной и достаточной семьи своей. Отец с удовольствием носил его на руках, что наконец обратилось у него в привычку. Мать целовала его без отвращения. Няня, старуха Акулина, любила Вукола, как свое дитя. Она, бывало, качает его да приговаривает: «Ах, ты, голубчик мой, некрасив ты, да это ничего, был бы здоровек. Батюшка, Вукоша, о-о-о!» Под песни и ооканье старой Акулины Вукол засыпал сладко. Проснется он, – няня делает ему зайчика, показывает, как сорока кашу варила, вместе с ним хохочет старуха и прыгает. Безобразия своего Вукол не понимал. Увидев себя первый раз в зеркале, он смеялся, весело кричал и махал ручонками: ему было хорошо. Раз только дьяконский сынишка, увидав его, закричал: «ой, какая харища!» и швырнул в него грязью.

Так и подрастал наш Вукол. Вот уже наступил ему пятый годок. Отец его однажды читал книгу, но вдруг зашатался и грянулся на пол. Мать и нянька стали хлопотать и плакать. Пришел доктор, еще много какого-то народу. Все о чем-то расспрашивали, смотрели папу и потом писали на бумаге, а мама все плакала. Страшно стало Вуколу. Но что это делают с папою? – положили его на стол, накрыли золотым одеялом, вокруг зажгли восковые свечи. Пришли священник и дьячок; ходят они вокруг папы; читают они что-то да поют. Около риз священника дым вьется, а в руках гремят золотые цепочки кадила. Хорошо стало Вуколу. «Няня, посади

меня к папе». – «Папа умер», – ответила Акулина. Вукол, будто поняв беду, крепко прижался к няньке и зарыдал... Похоронили папу. Помнит Вукол, что много у них было гостей, и что ему понравилась кутья и блины.

Прошло еще два года с немногим. Вуколу семь лет. В семь лет ребенок понимает многое, он обнаруживает уже характер свой, который часто трудно переломить, который не поддается ни убеждениям, ни пряникам, ни розге. Недаром же человеку прощаются грехи только до семи лет: значит, за многое он может отвечать в этом возрасте... Вукол по природе был добр и не глуп. Мирная жизнь, ласковое воспитание, доброта матери и няни, пример в лице их – все это возбуждало в нем чувство добра. Мать его была религиозна по убеждению, а потому и старалась усвоить сыну главным образом не один обряд религии, а дух ее. Еще не зная ни одной молитвы напамять, Вукол, крестясь, произносил: «боже, пусть маменька будет здорова!» или: «боже, дай день хороший завтра». При таком направлении Вукол редко находил удовольствие обрывать крылья бабочкам, водить жука на нити, топить котят, разорять птичьи гнезда. Это было дитя доброе, что для наблюдательного человека выражалось даже в его безобразном. лице, особенно в его умных глазах. От няни Вукол получил достаточный запас сведений о темном мире ведьм, колдунов, Иванов-дурачков, царевичей, богатырей, сапогов-самоходов, сивок-бурок, живой и мертвой воды и других принадлежностей русской сказки. Религиозное и сказочное уживалось в душе Вукола так же уютно, не противореча и не уничтожая одно другого, как и в душе взрослого. Как это бывает, трудно и понять. От няни же, а не товарищей Вукол научился делать бумажного змея, трещетки, свистульки, водяные мельницы. Воспитание его было по преимуществу женское; все в нем развивалось под влиянием матери и няни. Впрочем, в последнее время он познакомился с тремя сыновьями приходского священника. Они приезжали летом на каникулы домой, в деревню, небольшое имение Анны Алексеевны, матери Вукола. От них он получил понятие о фискальстве и товариществе. Только не приходилось Вуколу прилагать к делу это понятие: он по малолетству не был принят в общество поповичей, как совершенный товарищ, – в играх участвовал, но не был посвящен в тайны и не допускался ко многим предприятиям. У него были свои тайны, свои предприятия. Вот, например, набрал он душистого горошку, резеды, фиалок, других травок и цветов, положил все это в банку и толчет. Лицо его серьезно, работает он прилежно и выпачкался в меру. Это он хочет сделать духи. Но опыт не удается. Или вот Вукол достал пятачок и закопал его в землю и каждый день ходит поливать его. Акулина заметила это. «Что ты делаешь, Вукол?» – «Деньги рошу». – «Как же ты деньги растишь?» – «Да мама говорила же, что доктор деньги растит». – «Он деньги в рост отдает; это совсем не то, что ты делаешь». Когда нянька объяснила, что значит отдавать деньги в рост, Вуколу самому смешно стало... Такие случаи могут рекомендовать Вукола, как дурачка, но не ошибитесь: действовал он вполне самостоятельно, по указаниям своего младенческого разума; но и взрослый – оставьте его самому себе – так же насмешит в большей части случаев. Итак, в поведении Вукола обнаружили уже доброта и любознательность – признаки того, что из дитяти можно сделать многое хорошее.

Вукол на осьмом году лишился матери. Помнит он и эти похороны; но впечатление произвели на него не гости, кутья и блины, а потеря любящей матери, доброй и нежной. Он долго тосковал и все боялся чего-то. Дядя Вукола Семен Иванович назначен был опекуном; Вукол и няня к нему переехали. Ребенок как-то смутно сознавал, что с ним делают, и одумался несколько уже на новом месте. Здесь только он заплакал о старом доме, и о речке, и о полях, и о саде, и о своих незатейливых, но любезных сердцу удовольствиях. На новом месте Вуколу была отведена комнатка довольно мрачная; вид из единственного в ней окна был непривлекателен: с одной стороны стена сарая, с другой стена бани, а с третьей забор; на площадке двора лежали три поросших мохом бревна. Внутри комнаты виднелись закоптелые стены, комодик, стол, два стула и лежанка. Здесь-то поселился Вукол. Няня приходила к нему только днем, а ночевал он один. В первое время его как будто и не замечали в доме; лишь изредка дядя,

встретившись с ним, назовет его черепахой, змеенышем, лупеткой. Услышав слово «лупетка», Вукол рассмеялся. «Подожди, поросенок, подрастешь, так я попотчую тебя, – сказал дядя, – посмотрю, каналья, откуда у тебя ноги-то растут». Понятно, что жизнь Вукола совершенно переменилась и что от прежнего времени остались одни воспоминания.

Дядя Вукола был помещик, владетель сорока душ. Человек он был холостой. «Любовь, – говорил он, – глупость, подруги жизни мне не надо, и в хозяйке я не нуждаюсь: так зачем же мне жениться?» Гости, охота, водка, карты, послеобеденный сон, кофе – все это у дяди, как у человека степенного, считалось богопротивным. Ученость – вольнодумство. Скупым быть худо, но денежку копи и люби. Вот убеждения Семена Ивановича. День его располагался так: умоемся, помолитесь богу, зажжет лампадку пред иконою, пьет чай; потом идет распорядиться по хозяйству, причем рассыпает обильные плюхи направо и налево, дождит на праведные и неправедные; далее обед, кейф, который состоял в курении табаку, вечером опять чай; после чая прогулка и кабинетные дела, т. е. разбор судебных бумаг, счет денег и чтение нравоучительных книг; наконец следовали ужин, молитва и сон. Уже лет двадцать поживал так Семен Иванович, имея о себе понятие, как о человеке, у которого совесть спокойна, который ни в чем не нуждается, знать никого не хочет и жить умеет. «Экой счастливец какой!» Теперь еще понятнее, что жизнь Вукола должна была измениться.

Через несколько времени нянька была отставлена от Вукола, а место ее занял сельский дьячок Гаврилыч, в должности учителя. Гаврилычу было сказано: «Вот тебе барчонок в науку. Спуску ему не давать: посечь или за волоса надо, или там на колени поставить – все это в твоей власти. Ну, за труды рубль в месяц и натурою кое-что». Гаврилыч согласился; да как было и не согласиться: к сорока рублям его годового жалованья прибавилось еще двенадцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.